

В коридоре из других классов выбежали мальчишки, разнимая дерущихся с обеих сторон.

Чи Ку уже был в ярости, пнул парня перед собой и, тяжело дыша, сказал:

— Попробуй только ещё раз тронуть моего брата.

Когда он входил в раж, это было по-настоящему страшно. Несмотря на юный возраст, в его глазах читалась недетская жестокость.

Парень, которому Чи Ку с самого начала отвесил пощёчину, прикрывая челюсть, с кровью в глазах бросил:

— Твою мать, ты у меня ещё поплатишься.

В это время классные руководители ещё не вернулись, и в коридоре не было проверяющих. Конфликт, начавшийся у водопровода, быстро разняли, и мальчишки разошлись по своим классам. Всё утихло, не привлекая внимания школы.

Когда Чи Ку вернулся, Тао Хуайнань тут же потянулся к нему, беспокоясь:

— Тебя не задели? Почему ты опять так...

Чи Ку сбросил его руку с себя.

Тао Хуайнань чувствовал себя ужасно, понимая, что снова стал источником проблем. Он был настоящим бедствием, с детства старшим братьям приходилось постоянно разгребать его неприятности.

— Зачем ты вообще с ними связываешься... — снова протянул руку к лицу Чи Ку, пытаясь на ощупь понять, всё ли в порядке, ведь сам он ничего не видел. — Тебя ударили?

Чи Ку снова оттолкнул его руку.

Тао Хуайнань не сдавался, хмурясь:

— Не бросай мою руку.

Почти весь класс смотрел на Чи Ку. В этом возрасте дети всегда проявляют любопытство к драчунам. Староста сбегала за пачкой салфеток и быстро вернулась.

Вокруг раздались смущённые покашливания, но Тао Хуайнань не обращал внимания. Он даже не заметил, что староста приходила, и не видел, как все вокруг смотрят на Чи Ку.

Нащупав что-то влажное на челюсти Чи Ку, Тао Хуайнань вздрогнул:

— Что это? Тебя ранили?

Чи Ку молчал, и Тао Хуайнань, волнуясь, понюхал свою руку. Это действительно был запах крови. Его глаза округлились от ужаса. Чи Ку равнодушно бросил:

— Мелкий порез, ничего страшного.

Сказав это, он больше не реагировал, а Тао Хуайнань взял салфетку и прижал её к ране.

— Пожалуйста, поговори со мной, я виноват, — тихо произнёс Тао Хуайнань.

Чи Ку действительно был зол, и Тао Хуайнань чувствовал себя потерянным, не зная, как его успокоить.

Чи Ку оставался холодным до самого конца уроков. Схватив рюкзак, он собрался уходить. Тао Хуайнань одной рукой ухватился за его рюкзак и, словно брелок, следовал за ним до самого дома.

Как только дверь закрылась, Тао Хуайнань больше не мог сдерживаться. Ему было всё равно, как это выглядит, и он не думал о том, что нельзя делать в такой ситуации. Не сняв рюкзак и не переобувшись, он бросился к Чи Ку, обхватив его руками, когда тот пытался пройти мимо.

Несмотря на возраст, от него всё ещё пахло детским молочным ароматом. Непонятно, исходил ли он от волос, лица или откуда-то ещё. Возможно, это был запах детского крема с ароматом молока, которым он постоянно пользовался.

— Братик, поговори со мной, мне так плохо, — Тао Хуайнань уткнулся лицом в плечо Чи Ку, прижимаясь к его шее, и, касаясь его носом, проговорил сдавленным голосом. — Не злись больше и не дерись.

В таких ситуациях Тао Хуайнань никогда не стеснялся. Когда нужно было успокоить, он использовал любые методы. В детстве Чи Ку просто не мог выносить его слащавых слов.

— Тогда я плохо себя вел, это моя вина, — крепко обнимая Чи Ку, который стоял прямо, Тао Хуайнань не отпускал его шею. — И я соврал, это тоже моя вина. Я плохо себя вел, потому что ты на меня кричал, и мне было обидно, а соврал, потому что боялся, что ты подерёшься.

Мастер сладких речей, он мог говорить самые приятные слова, и никто не мог устоять перед его уговорами.

Он продолжал обнимать Чи Ку, прижимаясь к его шее и тихо извиняясь, говоря, что он виноват. Его нос касался шеи, а губы двигались, создавая странное ощущение.

Чи Ку в конце концов отстранил его, но Тао Хуайнань снова попытался обнять. Голос Чи Ку всё ещё звучал холодно, но он всё же спросил:

— Тебе не жарко?

На обоих были надеты зимние куртки, и Тао Хуайнань даже не подумал их снять. На этот раз он не обхватил шею, а лишь ухватился за одну руку Чи Ку, который мог использовать только другую, чтобы снять рюкзак и куртку.

— Тогда улыбнись, — Тао Хуайнань улыбнулся, заискивающе подняв лицо. — Поговори со мной.

Чи Ку поднял руку и сильно сжал его щёку, заставив Тао Хуайнань вскрикнуть:

— Ай, больно, больно!

— Ты действительно вырос, даже врать научился, — Чи Ку, сжав его щёку, толкнул вперёд, заставив Тао Хуайнань отступить на шаг, и положил куртку и рюкзак на диван.

Тао Хуайнань и сам чувствовал себя виноватым. Ложь была тем, что Чи Ку терпеть не мог. Между ними не должно было быть секретов и лжи. Ещё в детстве, перед сном, Тао Хуайнань

сам говорил: «Мы — щенки друг для друга», — и добавлял:

— Давайте не будем врать и хранить секреты.

Чи Ку был зол, и это было неизбежно. Каждый раз, когда Тао Хуайнань что-то скрывал, Чи Ку злился.

Однако, вспомнив про старосту, Тао Хуайнань вдруг почувствовал, что не так уж и виноват. Стоя за диваном и опираясь на его спинку, он чувствовал себя правым и, сжав губы, сказал:

— Но ты тоже скрываешь от меня кое-что, у тебя тоже есть секреты.

Чи Ку остановился и посмотрел на него:

— Что я скрываю?

— Ты сам знаешь, — Тао Хуайнань ковырял ткань дивана, не понимая, почему каждый раз, когда он думал об этом, ему становилось тяжело.

Вначале, кроме удивления, он не чувствовал ничего плохого, но теперь ему казалось, что между ним и Чи Ку кто-то встал, и они стали не так близки.

— Я знаю что? — нахмурился Чи Ку. — Что я скрываю?

Тао Хуайнань не мог сказать вслух, думая: «Ты сам не стыдишься, а хочешь, чтобы я тебя разоблачил?»

— Говори, — Чи Ку пристально смотрел на него. — Не зли меня.

Тао Хуайнань всё же боялся его гнева и, закрыв глаза, быстро проговорил:

— Я знаю про тебя и старосту.

— Про что?

— Вы встречаетесь.

Чи Ку моргнул, даже рот приоткрыл.

Воздух застыл на две секунды, а может, и на две минуты, прежде чем Чи Ку наконец заговорил.

— Тао Хуайнань, — Чи Ку, вздохнув, назвал его, даже не зная, какое выражение лица сделать.

Он смотрел на лицо Тао Хуайнань и был так зол, что у него даже зубы заболели.

— Ты больной?

Чи Ку, хоть и вырос, сохранил в себе ту грубоватую мальчишескую энергию, но за эти годы, проведённые с Тао Хуайнань, он научился понимать тонкие переживания своего слепого брата.

Как только Тао Хуайнань бросил эту фразу, Чи Ку сразу понял, что было причиной его последних странных поступков.

Чи Ку всё это время был в состоянии скрытого гнева. В его глазах, когда он вернулся с урока в

прошлый четверг, Тао Хуайнань был весь в грязи, но не сказал, как это случилось, а когда его слишком допрашивали, начинал говорить странные и злые вещи.

Теперь он наконец понял, что творилось в его голове, полной извилистых мыслей.

Когда Чи Ку злился, он не хотел говорить. Повернувшись, он пошёл в свою комнату и лёг на кровать, раздражённый даже звуком шагов Тао Хуайнань.

До того, как Тао Хуайнань сказал это, Чи Ку уже почти успокоился, но теперь всё снова застыло. Тао Хуайнань, находясь снаружи, потёр тыльной стороной руки нос и подумал: «Это не я больной, это ты больной. Ты в таком юном возрасте встречаешься, это ты больной».

Детские капризы. Тао Хуайнань больше не хотел уговаривать. Он думал: «Ты можешь злиться на меня, но на других ты так не злишься. Только на меня ты так взрываешься».

Когда Тао Сяодун вернулся вечером и увидел, что оба снова сидят в разных комнатах с хмурыми лицами, он сразу понял, что они снова поссорились.

Взрослые всегда смеются, видя, как дети ссорятся. Дети — это весело.

— Два моих маленьких царя, что случилось на этот раз? — Тао Сяодун положил сухофрукты, которые Тянь И подарил ему днём, и, помыв руки, спросил. — Расскажите, и я, как лучший миротворец, помогу вам разобраться.

Оба молчали.

Тао Сяодун заглянул к обоим. Один лежал на боку с хмурым лицом, другой сидел в его комнате, уставившись в окно.

— Цари, поговорите со мной, — Тао Сяодун постучал в обе двери.

Чи Ку назвал его:

— Брат.

— Да, хороший мальчик, — Тао Сяодун заглянул в свою комнату, где сидел мрачный Тао Хуайнань. — А этот?

<http://bllate.org/book/16228/1458136>